

— Но с этими событиями я забежал несколько вперёд, уже в лето 1977 года. Не менее весёлое приключение произошло со мной ещё в марте. Были мы в командировке в ИЗМИРАНе: Саенко, Иванов и я. Остановились в измирановской квартире-гостинице. Вечером, конечно, выпили. Настроение в связи с какими-то успехами было весёлое, жизнерадостное, особенно у Саенки. Перед сном решили пойти подышать свежим воздухом. Едва выйдя на улицу, у самого подъезда мы с Саенко затеяли боксирование. Иванов секундировал нам, усевшись на приподъездную скамью.

— Боксировали мы не зло, но азартно и украсили друг друга ссадинами, как обнаружилось потом - у меня на переносице, у Юры под глазом. И в самый разгар боя у меня вдруг подвернулась в щиколотке левая нога, вдобавок я наступил на неё правой, поскольку справа меня теснил Саенко. Он воспользовался тем, что я замешкался, навалился на меня, я почувствовал острую боль в левой ноге, и мы оба рухнули, на Иванова, причём Саенко продолжал яростно мутузить меня, а я, наконец, заорал:

— О-ой, кончай! Сдаюсь! Ногу подвернул!

— Саенко отпустил меня, и я еле поднялся, но ступить на левую ногу не мог. Прогулку на этом пришлось закончить. Зацепившись за шею Иванова, я ковылял на одной ноге на пятый этаж и бормотал:

— Ничего себе, одноногий начальник на себе подчинённого в гостиницу несёт - дожили!

— Добравшись до кровати, я рухнул на неё и сразу же заснул, не чувствуя особой боли, если не ворочать ногой, благодаря анестезирующему действию выпитого спиртного.

— Наутро, проснувшись и высунув повреждённую ногу из-под одеяла, я ужаснулся её внешнему виду: нога сильно распухла и покрылась какими-то жёлто-сине-зелёными пятнами вроде синяков. Сама по себе она вроде бы не болела, но ступить на неё я не мог. Передвигался я по комнате с помощью стула: руками держался за спинку, а коленом согнутой левой ноги упирался в сиденье, так вместе со стулом, поднимая его за спинку, и ковылял.

— На этот день у меня была назначена встреча с Зевакиной, мы со Смертиным делали с ней совместную работу по положительным возмущениям, и должны были обсудить ход дел и договориться о публикации. Я попросил Саенку зайти к ней и сказать, что я подвернул ногу, передвигаться не могу и буду очень ей признателен, если она сможет придти ко мне в гостиницу, где мы и поработали бы.

— Раиса Афанасьевна долго ждать себя не заставила и вскоре появилась. Я что-то такое насочинял ей про то как подвернул ногу - неудачно прыгнул через лужу, мол, и мы уселись за стол работать. Извинившись перед Раисой Афанасьевной, я держал больную ногу на стуле в таком положении она меня меньше беспокоила. К тому же я не мог натянуть на неё носок, так она распухла, и Раисе Афанасьевне невольно пришлось увидеть мою повреждённую конечность во всей её красе. Часа три мы с ней работали, и за это время вид моей ноги стал ещё менее привлекательным, синяки увеличились и потемнели, нога совсем разбухла.

— Когда мы закончили свои дела, и Раиса Афанасьевна собралась уходить, она пообещала прислать мне костыли и хирурга, надо посмотреть, нет ли перелома. Я успокаивал её, говорил, что это привычное уже для меня растяжение. Действительно, последний раз такая штука случилась со мной в Апатитах, когда мы ездили туда с Костей к Борису Евгеньевичу по делам Костиной диссертации. У меня тогда тоже левая нога подвернулась и соскользнула с обледенелой тропы в снег, я не удержал равновесия и наступил правой ногой на подвёрнутую левую, после чего я уже без помощи Кости не мог передвигаться. Нога болела долго, но всё прошло без вмешательства врачей. И раньше такое не раз бывало, особенно когда играл в футбол или волейбол. Правда, теперь внешний вид повреждения был существенно безобразнее.

— Вечером мне принесли костыли (Миша принёс Могилевский от своих родителей - ветеранов ИЗМИРАНа Могилевского и Керблей), и я избавился от стула, а ещё позже появился врач, хирург, который по просьбе Зевакиной зашёл ко мне уже после окончания своего приёма больных в поликлинике. Врач, недолго думая, надавил пальцами с обеих сторон щиколотки больной ноги, и я заорал от жуткой боли.

— Перелом. И скорее всего двухлодыжечный. А почему сразу к врачу не обратились?

— Думал, растяжение, так пройдёт.

— Надо было хотя бы компресс наложить, смотрите как распухла. А сейчас что я могу сделать? Приходите завтра на рентген.

— Он туго замотал мне ногу эластичным бинтом, который вместе с костылями принёс мне Могилевский, и ушёл. Растревоженная нога после бинтования разболелась совсем невыносимо, я не выдержал, снял бинт, стало полегче, но не намного.

— Утром на костылях я отправился в поликлинику, где мне сделали рентгеновский снимок. Перелом (с подвывихом) оказался лишь у одной, наружной лодыжки, на снимке хорошо был виден отошедший острый край кости в месте перелома. Мне загипсовали ногу в лангет чуть ли не до колена, и в тот же день мы с Саенко отправились домой в Калининград на поезде.

— В купе моя нога загоразживала проход, всем мешала, пару раз об неё спотыкался Саенко, причиняя мне невыносимые страдания. Под гипсом нога остро реагировала на любые перемены в её положении, на отток или приток крови. Особенно тяжело было ночью. Только приспособишься к одному положению, боль немного успокоится, начинаешь засыпать, а во сне чуть повернёшься и тут же просыпаешься от боли.

— Хорош я был в дверях дома: вернулся из командировки - в гипсе, на костылях... Слава богу, Сашуля не слабонервная. Но всё же я попросил Саенко меня сопровождать для моральной поддержки.

— Просидел я дома в гипсе три недели, причём первая неделя была очень тяжёлой, не спал практически ночами. Из-за того, что гипс накладывался на сильно распухшую ногу, край повязки так врезался в мышечную ткань с тыльной стороны ступни, что кожа стала пузыриться и лопаться, вызывая дополнительные мучения. Избавили меня от них в поликлинике, разрезав бинты и слегка расслабив лангет.

— По поводу того, когда снимать гипс и начинать разрабатывать ногу, которая от неподвижности практически перестала сгибаться в лодыжечном суставе, я выслушал весьма противоречивые суждения моего лечащего хирурга и рентгенолога. Первая требовала не менее месяца абсолютного покоя, вторая утверждала, что разрабатывать ногу нужно начинать как можно раньше во избежание артроза сустава. Я послушался вторую и самовольно снял лангет, закинул его на шкаф и стал ходить с тросточкой, которую купил в соседнем с кирхой ортопедическом предприятии.

— Во время моего вынужденного сидения дома я работал как обычно, читал и переводил письменно статьи, писал свои собственные. Коллеги меня не забывали, приходили, обсуждали результаты расчётов и прочие текущие дела. Сидел я преимущественно в шезлонге, полулёжа, задрал ногу кверху, на подушку, прислонённую к спинке стула. Из такой позы я однажды рухнул на пол - расплзлись нитки, крепившие полотнище шезлонга, но ногу я сумел удержать в поднятом положении и не нанёс ей дополнительных повреждений.

— Моим постоянным присутствием дома всю пользовался Митя. Эту зиму и весну он жил с нами: в последний раз к нам на зиму приезжала с Алтая бабушка Феня, но она была недолго - заболела её сестра, баба Дуся, бабушка Феня вернулась домой, а её сменила Сашулина мама - баба Тоня. Когда я сидел не в шезлонге, а за письменным столом, Митя залезал ко мне на колени, чиркал по бумаге фломастерами, заставлял меня рисовать машины.

Митя весной 1977 г.

—До пяти-шестилетнего возраста это оставалось его любимым занятием - смотреть, как я рисую машины, точнее, срисовываю с журнала "За рулём". Во Владимире Митя целые дни проводил на диване в куче журналов "За рулём", которые выписывал его дед Николай Степанович. Пришлось и в Калининграде специально для него этот журнал выписать, но это было, впрочем, позже (мы выписывали "За рулём" с 1979 по 1984 год).

—А тогда, в 1977-м Митя удовлетворялся теми изображениями машин, которые я был в состоянии воспроизвести из своей головы. Другими занятиями Мити у меня на коленях были - передвигать шахматные фигуры на доске и слушать моё чтение вслух, к

последнему его баба Тоня привадила во Владимире - очень много ему читала. В это время ему ещё не было двух лет.

Митя и я со сломанной ногой весной 1977 г.

— В мае была перерегистрация очереди в ясли. Мы продвинулись на несколько сот номеров, но и только. Реальной надежды отдать Митю в ясли к осени не было, а на будущий год ему уже нужно будет в детский сад, а не в ясли идти. Создавалось впечатление, что через эту очередь в ясли вообще невозможно попасть, в принципе. Но ведь как-то туда дети попадали! Блат нужен - объясняли мне. А где его взять?

Пробовал я возмущаться, ходил на приём к завроно, но там меня быстро поставили на место:

- Ишь, какой! Ещё права качает, посмотрите на него! Порядку нас учит, голос повышает! Вы тут голос не повышайте, много вас таких. Нет мест, значит, нет. В очередь надо было сразу записываться!

— Неужели всё дело было в том, что мы не сразу после рождения Мити встали в очередь? Ерунда какая-то. Ну, встали на четыре месяца позже - значит, и получить место должны с теми, кто родился через четыре месяца после Мити. А по скорости продвижения очереди было ясно, что вряд ли мы вообще что-нибудь получим. Спасибо бабушкам и прабабушке, что бы мы без них делали? Пришлось бы Сашуле бросать работу.

— А так, при бабушке Фене Сашуля работала на полставки. Оставлять Митю на целый день с бабушкой Феней было бы тяжело для неё, всё-таки ей было уже 77 лет, и она начала сдавать понемногу, уставала от домашней работы. Когда Митю забирали во Владимир или в Севастополь, Сашуля переходила работать на полную ставку.

— Иринка кончала уже пятый класс общеобразовательной школы, где, как и в Ладушкине, была отличницей. Через весь город ездила она самостоятельно, но без энтузиазма в музыкальную школу, где дела шли похуже - тройки, четвёрки перемежались с пятёрками и двойками. Дома от занятий музыкой Иринка отлынивала, занималась из-под палки, как говорится, очень огорчая этим Сашулю. Так и не смогли мы её по-настоящему увлечь музыкой. Видать, потому что не были увлечены сами. Ладушкин по-прежнему манил Иринку, как в своё время меня Сестрорецк. Она не забывала своих ладушкинских друзей-приятелей, и те её тоже.

([продолжение следует](#))

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)